

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Сурковой Александры Сергеевны
на тему: «Художественное и документальное в прозе США о Второй
мировой войне (1940-е гг.)»
по специальности 5.9.2. Литературы народов мира**

Диссертация Александры Сергеевны Сурковой посвящена проблеме соотношения документального и художественного начал в американской прозе 1940-х гг. Тема **актуальна** в теоретическом плане, с точки зрения ныне повышенного интереса к свойству референциальности художественной литературы, к способам отражения действительности в ней, и с точки зрения историко-литературной – в диссертации по-новому представлен литературный процесс в США в годы Второй мировой войны и непосредственно в послевоенный период.

Объем работы – 277 страниц – значительно превышает сложившиеся в последние годы стандарты кандидатских диссертаций. Это следствие обилия привлекаемого для анализа материала. Равное внимание уделяется репортажу, публицистике и материалу художественной прозы; особенно за счет привлечения газетных репортажей, журнальных очерков – документальных жанров, которые ранее в нашей американистике не рассматривались, обеспечивается **новизна** предлагаемой концепции. Диссертация отражает значительный объем проведенной лично автором работы – по изучению труднодоступных журналов и книг, по выбору репрезентативных текстов, по осмыслинию разнообразной исторической и критической литературы, по работе в архивах. Материалы отечественных архивов не так уж часто задействуются в работах наших литературоведов-зарубежников – А.С. Суркова выявила в архивах документы, обеспечивающие новые контексты для свежего прочтения отдельных произведений Стейнбека и Э. Колдуэлла. Внушительный объем проработанного материала обеспечивает **обоснованность и достоверность** полученных результатов.

Композиционно пять глав диссертации обосновывают и отражают предлагаемую концепцию: до 1945 г., в «горячей фазе», героизирующий репортаж и публицистика, прямо регулируемые военной цензурой и пропагандой, накладывают свой отпечаток на американскую художественную прозу; после окончания боевых действий, в «холодной фазе», в прозаических жанрах приходит пора осмыслиения военного опыта во всей его противоречивости и травматичности.

После Введения со всеми необходимыми структурными элементами, первая глава сразу предлагает, после краткого теоретического раздела о месте и функциях документального начала в фикциональных жанрах, погружение в американскую специфику – речь идет об опыте отражения в литературе США Первой мировой войны, об усилиях, которые потребовались пропагандистскому аппарату для преодоления традиций изоляционизма и ре-позиционирования США на мировой арене, для мобилизации нации, о цензуре военной и самоцензуре как факторах коммуникативного пространства.

Следующие четыре главы расположены по хронологически-жанровому принципу, от чистого репортажа к глубоко-индивидуальному размышлению над военным опытом в романах и новеллах выдающихся писателей разных поколений. Диссидентка при этом опирается на зарубежные и отечественные исследования своих предшественников в изучении разных аспектов американской журналистики и прозы военных лет и на специальные работы биографического и интерпретационного плана по творчеству отдельных авторов. Каждая глава состоит из 5-7 разделов, рассматривающих крупным планом серии репортажей, статьи, военные мемуары, отражение войны в художественной прозе отдельных авторов. Завершаются главы промежуточными выводами, а емко, четко написанное Заключение подводит общий итог исследования.

Библиография к работе структурирована по разделам, насчитывает в целом 349 позиций, из них – 167 первоисточников, от публикаций в армейских газетах, в журналах военных лет, от мемуаров Эйзенхауэра и Паттона и до

романов Мейлера, Шоу, Хемингуэя и ранних новелл Сэлинджера. Конечно, такой объем привлекаемых для анализа текстов необычен для диссертационного исследования и составляет сам по себе сильную сторону работы, давая соискательнице возможность продемонстрировать навыки филологического анализа текстов самой разной природы.

В исследовательской части сначала (2.2) рассматриваются фронтовые репортажи синдикализированного журналиста Эрни Пайла, который только в силу обстоятельств переключился на военную тематику; Марты Гельхорн, которая к 1941 г. уже могла считаться ветераном военной журналистики. Вероятно, для полноты картины медийного поля включены фигуры фоторепортера Роберта Капы и радиорепортеров Эдварда Марроу и Джека Шелли, которые в прямых включениях из Европы создавали у американского слушателя эффект присутствия, внушали оптимизм. Этот материал дает понять, что в военные годы американская журналистика оставалась верна своему главному принципу – объективно информировать сограждан, но не влиять, уважая их способность составить собственное мнение на основе достоверной информации. Работа на всем протяжении акцентирует регуляторную деятельность военного министерства, многочисленных правительственные, армейских и негосударственных структур идеологического фронта и беспрецедентного в истории США Office of Censorship (1941-1945), - все они после окончания войны были распущены и права, гарантируемые 2-й поправкой, восстановлены. Уже приводимые в работе списки лиц, которых война сделала военными корреспондентами, дают представление о масштабе и идеологическом фокусе военной повестки на американском новостном рынке. Детальней этот рынок рассматривается со стороны относительно малочисленной группы его участников – писателей, которые пошли на войну (2.3 предлагает биографический контекст и анализ военных корреспонденций Хемингуэя, Стейнбека, Колдуэлла, Джона Херси, Ирвина Шоу).

Глава 3 анализирует художественные произведения «горячей фазы». Большинство текстов отражают либо опыт прохождения военной службы писателями, либо восприятие войны в тылу. Материал здесь пестрый, художественно неровный: не самые сильные тексты Стейнбека и Колдуэлла, новеллистика военной поры Сэлинджера и Гарри Брауна, «Два солдата» и «Осень в дельте» Фолкнера, «Фокус» А. Миллера, дебютный роман С. Беллоу, «Колокол для Адано» Дж. Херси, встретившиеся с цензурными ограничениями произведения Сарояна и Уайли. Целостно характеризуются 3 самых идеологизированных текста; в остальных случаях анализ сводится к комментированию в них того, что имеет отношение к военной теме. Материал дробный; индивидуальная манера авторов – уже признанных на тот момент классиками, или будущих классиков американской литературы – настолько своеобразна, что, конечно, трудно указанием на наличие в сложных текстах отсылок к войне устанавливать границу между «фронтовой» и «тыловой» прозой. Этот этап исследования представляется логической конструкцией, нужной в качестве мостика между хронологическими этапами; последние обрисованы в работе вполне убедительно и в достаточной мере, сами по себе. Судя по оговоркам в выводах к 3.2, соискательница и сама это ощущает; «Запечатленные в произведениях страх, экономическая неустроенность, бытовая ксенофобия, экзистенциальная растерянность и столкновение этических устоев с суровой реальностью...» (с. 135) – разве это не может быть отнесено к любой литературе европейского типа в любом периоде ХХ в.?

Глава 4 посвящена изменениям в содержании документальной прозы «холодной фазы». Не считая «Русского дневника» Стейнбека, вся она строится на новом у нас материале. В первых двух разделах организующей мыслью служат разные стратегии мемуарного повествования, взгляд на войну «сверху» и «снизу»; в трех последующих разделах рассмотрены американские реакции на раскол между державами-победительницами и переход к холодной войне в трапевогах. Особо хочется отметить последний раздел главы о стоящей особняком в этом периоде книге Джона Херси «Хиросима». В 2020 г.

у нас наконец появился перевод этой исключительно влиятельной книги, и следует признать анализ «Хиросимы» одной из удач исследования – впервые у нас развернуто прокомментирована новаторская и до сих пор не утратившая актуальности книга Херси.

Последняя, пятая, исследовательская глава сосредоточена на военной прозе 1945-50 гг., но в реальности дает выходы в американский роман вплоть до 1980-х гг. Понятно, что это самая объемная глава диссертации, поскольку ее материал обязывает не к перечислению, а к глубокой интерпретации. В романах о только что завершившейся войне Н. Мейлера, И. Шоу, М. Гельхорн, Дж.Коззинса, Хемингуэя и в послевоенной новеллистике Сэлинджера выявляется широкий диапазон уровней художественно-образного осмыслиения войны как таковой, а также приемы документальной поэтики в этой прозе. Первый раздел формулирует параметры реакции литературы на пропаганду военных лет как сдвиг от героизации к дегероизации, от уважения к армии к ее осмеянию, от патриотизма к критике американской внешней и внутренней политики, то есть возвращение к традиционным ценностям индивидуализма. Предлагается рассмотрение избранных произведений через призму теории травмы и философии экзистенциализма, и затем эти подходы последовательно применяются в анализе избранных произведений; раскрываются виды автобиографизма в военной прозе разных писателей, ее индивидуальные мотивные и символические структуры. В этой главе, естественно, больше всего наблюдений за стилем, собственно языком. обнаружений сходств между документальной и художественной прозой авторов; включение биографического контекста не только для практически неизвестных у нас Коззинса и Гельхорн, но и для остальных авторов, о которых мы имеем биографические сведения, открывает новые грани для интерпретации.

Заключение удачно формулирует основные выводы из проведенного исследования, которое в целом следует признать основательным, оригинальным, доказательным на хорошем филологическом уровне. В диссертации за счет введения огромного количества нового материала, за счет

общественно-политической контекстуализации литературного процесса создается впечатление о военном десятилетии как о важнейшем, если не поворотном, этапе развития литературы США XX в.

Во время чтения работы возникают следующие соображения и вопросы.

Зачастую в процессе научного исследования сосредоточенность на своем материале создает у исследователя представление о его уникальной важности, это естественная опасность, которая нас всегда подстерегает. В каком-то смысле Вторая мировая была уникальным всемирно-историческим событием (Холокост, Хиросима), но меня убеждают те современные историки, которые рассматривают Первую и Вторую мировую войны как единый комплекс событий, с уникальными чертами для каждой войны, и те теоретики литературы, которые считают, что в литературе Нового времени уровень литературного осмыслиения конкретных войн со временем только возрастает. Согласна с утверждениями на с. 33: «...Вторая мировая не отменила, а «наслоилась» на травму Первой, размывая границы двух прошедших войн в возможном преддверии грядущих мировых конфликтов» (это по поводу Хемингуэя), и далее: «Симметричные процессы движения журналистской и литературной рефлексии происходили и в связи со Второй мировой войной... Как и в случае с Первой мировой, художественная литература расцветает и выходит на качественно новый уровень в последующие десятилетия: с 1950-х вплоть до конца 1970-х гг. ... Новый импульс к осмыслиению Второй мировой войны, как это было и с Великой войной, также дали последующие военные конфликты» (с.33). На с. 197 рассматриваемые в 5-й главе авторы характеризуются как создатели литературы «нового потерянного поколения». Но при этом в процессе изложения автор руководствуется тезисом о том, что при известном параллелизме литературы 1920-х гг. с литературой 1940-х, их «ключевое отличие состояло в том, что дегуманизирующий характер (*sic*) Второй мировой войны практически нивелировал возможность адекватной репрезентации военного опыта через простую фиксацию фактов, что и привело к более радикальному и проблемному слиянию документального и

художественного» (с. 28). Нет ли здесь противоречия? Хотелось бы услышать комментарий по этому поводу.

Второй вопрос вызван разделом об экзистенциализме в гл. 5. Там по форме изложения на с.195-197 видна степень опоры на работу Р.Д. Лиэна 1958 г. и добавлена Галинская 2009 г.; есть ссылки на работы о путях проникновения экзистенциализма в литературу США (но не на С. Финкельстайна). Судя по тому, как вводятся базовые категории экзистенциализма, как термин работает в дальнейшем анализе, мне кажется, что стоило глубже разобраться с понятием, которое использует в качестве аналитического инструмента; ведь «экзистенциальный» и «экзистенциалистский» не синонимы.

Вообще в работе можно отметить некоторую неровность изложения; те фрагменты, что помечены как ранее публиковавшиеся, выверены строже и выглядят свободней. В оформлении есть следы поспешности, встречаются, особенно в переводах, выполненных автором, стилевые ограхи.

В целом же весь разнородный, подталкивающий исследователя сразу во все стороны, представляющий особые трудности для систематизации материал оказался уложен в рамки концепции, которая этого рецензента убеждает во всем, кроме оценки роли рассматриваемого периода в литературном развитии США второй половины XX в., а военной темы – как «универсального инструмента критики современности» (с. 255). Но эти оценки уже выходят за обозначенные в заглавии рамки диссертации, и спасибо автору за исследование, побуждающее дальнейшую работу мысли.

Автореферат отражает основные положения диссертационного исследования.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 – «литературы народов мира» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Александра Сергеевна Суркова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – «литературы народов мира».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Института филологии и журналистики

ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»

КАБАНОВА Ирина Валерьевна

24.10.2025

тел.: [REDACTED], e-mail: [REDACTED]

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Адрес места работы:

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83,

СГУ имени Н.Г. Чернышевского, кафедра русской и зарубежной литературы

Тел.: +7 (8452) 21-06-49; e-mail: kabanovaiv@sgu.ru